

Глава 1

«Вещь в себе»: феномен Галины Уствольской

Почему так трудно слушать новую музыку: средства ее более чем просты, но духовный склад ее творцов диаметрально противоположен складу толпы.

Х. Ортега-и-Гассет

Галина Ивановна Уствольская (1919–2006) — одно из наиболее ярких и необычных явлений современной музыки. Исследователи, пытаясь выявить природу ее стиля, проводили различные параллели: одни указывали в качестве истока на древнерусский мелос, другие — на баховскую традицию, третьи — на Веберна и т. д. Думается, подобные наблюдения, к тому же часто имеющие ассоциативную природу, не приближают нас к разгадке феномена Уствольской. Феномен же этот состоит в том, что стиль ее абсолютно не похож ни на что дотоле существовавшее, он — явление уникальное. Искусство ее как будто стоит в стороне от всех модных и актуальных тенденций и поисков в музыке, оно закрыто от любых внешних влияний и веяний. Оно само — целый мир, и этот мир замкнут внутри себя.

Ключевым для музыкального языка Уствольской оказывается понятие аскетизма. Аскетизм проявляется не только

в сосредоточенности на одной тематике и одном круге образов, в отсутствии красочности и чувственной красоты (такой колорит можно было бы назвать черно-белым), но и в строжайшем отборе используемых выразительных средств. Ничего лишнего, ни одного штриха — но нет и мелочей: любая деталь целенаправленно работает на главную идею сочинения.

И это не минимализм, а именно аскетизм. Стиль композитора в принципе несопоставим с минимализмом, несмотря на отдельные «технические» параллели: ограничение музыкального материала, повторность, суггестивное воздействие. Высказывание ее не минимально — напротив, как справедливо пишет В. Суслин, «произведениям Уствольской присущ специфический идеализм, максимализм и даже фанатизм»¹. Максимализм чувствуется в первую очередь в накале темной, трагедийной экспрессии ее сочинений. Им обусловлен и отнюдь не минимальный уровень динамики (четыре, пять, шесть *forte*), и предельная высотная напряженность (используются крайние регистровые точки), и кластерная диссонантность. Ничего подобного нет у минималистов.

«Звуковая материя» Уствольской — жесткая, остродиссонантная, некомфортная для слуха. Восприятие такой музыки требует огромного напряжения, часто она даже производит впечатление некой авторской агрессии. Это резко сужает ее потенциальную аудиторию. Тем не менее она обращена к слуху и к слушателю — слушателю чуткому, способному

¹ Суслин В. Музыка духовной независимости: Галина Уствольская // Музыка из бывшего СССР. М., 1996. Т. 2. С. 144.